

К.Е.Коктыш

СИММЕТРИИ И АСИММЕТРИИ ОНТОЛОГИЙ ВЛАСТИ В БЕЛАРУСИ И РОССИИ

¹ Бурдые 2001.

При описании изменений, которые претерпевает в последние годы российский режим, все чаще используется метафора «белорусизации». Правда, это относится скорее к публично-политическому, чем к научному дискурсу, причем к дискурсу политизированному: полностью в духе зафиксированной П.Бурдые закономерности¹ контрэлиты стремятся закрепить эту метафору в качестве легитимной дефиниции направления российских трансформаций, тогда как правящие элиты отвергают (и совершенно искренне) саму ее возможность, воспринимая разговоры о «белорусизации» в лучшем случае как нонсенс, а в худшем — как явное оскорбление. Думается, однако, что проблема существенно глубже, нежели отдельно взятый сюжет российской внутривнутриполитической борьбы, и им только выявляется, но отнюдь не исчерпывается. Вопрос о степени близости векторов движения двух стран выходит далеко за рамки сиюминутной прагматики уже по той очевидной причине, что сегодня на уровне как научного, так и — тем более — публично-политического дискурса отсутствует консенсус по куда более фундаментальным вопросам о природе и обусловленной ею логике развития и российского, и белорусского режима, а существующие интерпретации варьируют в недопустимо широком диапазоне.

Действительно, в обоих случаях дальнейшие шаги режима почти не поддаются прогнозированию. Еще не успевшая забыться интрига с президентскими выборами в России, когда вся страна оказалась вовлечена в спекуляции по поводу структуры возможного преемничества, хотя и является наиболее показательной, вполне типична для нынешнего российского режима. Все сколько-нибудь серьезные его акции, начиная со всегда внезапных кадровых перестановок и заканчивая решениями, реально трансформирующими систему, как то отказ от прямых выборов губернаторов или пресловутое «дело ЮКОСа», заставляли врасплох экспертное сообщество, не говоря уже об обычных гражданах. Предсказуемость действий белорусского президента немногим выше — резкие повороты от «союзного строительства» к построению национального государства и обратно, свободный дрейф по всему идеологическому спектру, от социализма до капитализма, неизменно оказывались сюрпризом если не для экспертов, то для внешнеполитических партнеров Беларуси, равно как и для значительной части собственно белорусского общества. При этом доступная официальная репрезентация

обоих режимов скорее маскирует, нежели раскрывает подлинные принципы принятия решений и на ее основе крайне сложно построить релевантные прогнозы. И дело здесь даже не столько в том, что реальная практика часто идет вразрез с провозглашаемыми властями принципами, сколько в том, что случаи соблюдения и нарушения этих принципов не выстраиваются в последовательную систему. Мироззренческие же основания политики властей по большому счету остаются непрозрачными и, как представляется, осознанно скрываемыми — ничуть не менее тщательно, чем это делала в свое время венецианская аристократия².

² *Сергеев 1999.*

Немало общего, заметного невооруженным взглядом, и в политической структуре российского и белорусского режимов. Как в одном, так и в другом чрезвычайно велика роль личностного фактора, намного превосходящего по своему значению факторы институциональные. Оба настороженно относятся к западным демократическим механизмам, расценивая их в первую очередь как инструмент внешнего влияния, пусть и содержащий в себе некие универсальные ценности. И там, и там существенное место в экономике занимает государственная собственность, причем контролируемые государством активы обеспечивают весомую часть национального дохода — с той только разницей, что в Беларуси не было приватизации, тогда как Россия прошла через этап «дикого капитализма», и сегодняшняя реальность сложилась в результате огосударствления ряда ранее переданных в частные руки предприятий. Пожалуй, единственное различие, которое бросается в глаза при поверхностном сравнении, — это экономическая самодостаточность России и несамодостаточность Беларуси. Впрочем, если принять во внимание высокие мировые цены на нефть, то и это различие перестает восприниматься как критическое, достаточно лишь посмотреть на структуру российского экспорта.

При более пристальном взгляде, впрочем, обнаруживаются и другие, действительно значимые, различия, свидетельствующие о несовпадении онтологических установок российских и белорусских правящих элит, что, в свою очередь, указывает на возможность принципиально разных сценариев дальнейшего развития этих стран — при всей потенциальной ситуативной схожести. Выясняется, в частности, что ключевые мероприятия власти, так или иначе затрагивающие основы ее взаимоотношений с обществом, интерпретируются там в прямо противоположной логике. В России любая конфронтация между режимом и той или иной группой интересов неизменно трактуется как разовый, ни в коей мере не системный случай, зачастую имеющий своей подоплекой либо личную фронду конкретных акторов, либо грубое и очевидное нарушение ими правил игры, как это было и в «деле ЮКОСа», и в экологическом конфликте вокруг «Сахалина-2», и в «деле Русснефти». Никаких изменений в принципах функционирования системы по факту подобных конфронтаций не предполагается, во всяком случае на уровне официальной риторики, хотя в действительности сдвиги, в том числе и

весьма радикальные, бесспорно, имеют место — достаточно вспомнить об изменении самого духа правоприменительной практики после «дела ЮКОСа». В Беларуси, напротив, любой политический маневр подается как судьбоносный и кардинальный, а личная фронда отдельных индивидов — а иного, за отсутствием структурированных и сколько-нибудь самодостаточных групп интересов, здесь быть и не может — преподносится как системный конфликт с вытекающей отсюда трансформацией правил функционирования режима. Однако никакой трансформации, по сути, не происходит, и любой очередной «судьбоносный разворот» неизбежно оказывается слабо подкрепленным реальными действиями пиар-проектом.

Другими словами, в России декларируется неизменность правил игры, при том что эти правила непрерывно меняются. В Беларуси декларируется постоянное изменение правил — но на деле они остаются неизменными, если, конечно, полагать правилом всепроникающее и безусловное доминирование власти. Разумеется, это различие может быть объяснено личными особенностями первых лиц данных стран, что, учитывая их вес в системе, будет вполне теоретически релевантным, а также институциональной спецификой — в России сохраняется множественность групп интересов, в то время как в Беларуси таковая отсутствует. Соответственно, в российском случае открытый системный конфликт между режимом и группами интересов в целом чреват системным кризисом, и потому режим пытается представить любую конфронтацию в качестве ситуативной. В белорусском же случае, где такого рода ограничений не существует в принципе, «системную» реакцию режима могло бы оправдать лишь стремление предотвратить саму возможность структурирования групп интересов: в условиях постоянного изменения правил игры их структуризация исключена по определению.

Тем не менее подобное объяснение представляется недостаточным, поскольку практически ничего не говорит нам ни о ценностных основаниях рассматриваемых режимов (кроме «узкой» ценности самосохранения), а такие основания, несомненно, есть, ибо иначе режимам не удавалось бы сохранять свою легитимность, ни о предполагаемой данными ценностями «телеологии» режимов, понимание которой имеет критическое значение для выделения совокупности потенциальных сценариев их дальнейшего развития. Думается, что этот вопрос заслуживает более глубокого рассмотрения.

**Ценностно-
онтологическая
интеграция
правлящих элит:
Россия**

Ценностная интеграция российских правящих элит не вызывает сомнений. Ни правительство, ни парламент не демонстрируют сколько-нибудь существенных ценностных расколов — наблюдаемые разногласия носят, как правило, сугубо тактический характер при явном консенсусе по стратегическим вопросам.

Правда, создается впечатление, что эти ценности изначально складывались в экономическом дискурсе, а потом были просто перенесены в

дискурс политический и адаптированы к нему. Риторика первого лица (в первую очередь в путинской его ипостаси), равно как и официальных спикеров, изобилует экономической терминологией и неизменно подразумевает наличие экономического смысла у любого политического решения, идет ли речь о монетизации льгот, об энергетической экспансии или о «газовых» принципах взаимоотношений с ближним и дальним зарубежьем. Главной и едва ли не единственной корпорацией, чьи интересы безусловно отождествляются с государственными, является «Газпром». Пролонгация газовых контрактов на очередной год стала уже привычной новогодней интригой, за которой следит вся страна, а вопрос о вхождении «Газпрома» в европейские газораспределительные сети с завидным постоянством всплывает в повестке дня самых разных визитов первых лиц РФ за рубеж.

Более того, экономический инструментарий явно мыслится как средство управления политикой и сферой политического, что особенно отчетливо стало проявляться после неудачной попытки России повлиять на исход президентских выборов на Украине в 2004 г. С этого момента российская внешнеполитическая риторика начала активно извлекаться от ряда сформировавшихся в 1990-е годы мифологизированных терминов, в первую очередь от термина «пророссийскость» и порождаемого им «ельцинского» семантического ряда, предполагавшего обязанность России дотировать «пророссийскость» за сам факт ее провозглашения той или иной постсоветской страной, не задаваясь вопросом, что на практике под ней подразумевается, и не обретая взамен никаких реальных дивидендов. Однако адекватного политического концепта, который позволил бы переосмыслить «пророссийскость» в духе новой эпохи, так и не возникло. Экономический дискурс, подведенный в качестве фундамента под взаимоотношения на постсоветском пространстве, не породил «надстроечных» этажей и пока не принес ничего, кроме издержек в виде углубления изоляционизма как парадигмы мышления внутри страны и всплеска антиимперских фобий за ее пределами, когда Россию стали подозревать в новой имперской экспансии, осуществляемой путем экономического диктата.

Аналогичная ситуация наблюдается и в сфере внутренней политики. При четкой артикуляции экономических приоритетов и императивов политические приоритеты остаются весьма размытыми. Довольно общие и в изрядной степени декларативные национальные проекты являются, пожалуй, максимальной степенью концептуализации внутренних приоритетов, которую позволила себе российская власть; концепция «суверенной демократии» хотя и затрагивает как внутренний, так и внешний контекст, все же описывает преимущественно внешнеполитические установки и нацелена скорее на объяснение уже предпринятых шагов, нежели на обоснование идеологии последующих; «план Путина», выдвинутый «партией власти» в качестве предвыборной программы на выборах 2007 г., так и остался абстрактной декларацией, открывающей

поле для широкого спектра интерпретаций, но в целом подразумевающей воспроизводство наличествующего status quo.

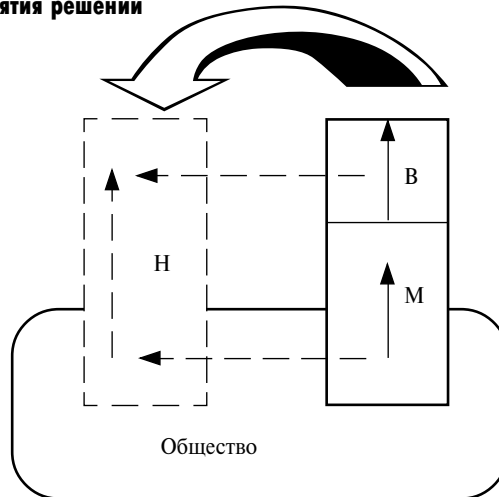
На практике, конечно, речь вряд ли идет об осознанном курсе на изоляционизм или об имперских внешнеполитических замыслах. Более того, возникают обоснованные сомнения в самой возможности собственно политического, а не экономического замысла. Ведь экономическая парадигма мышления, к которой открыто либо подспудно апеллирует российская власть, носит не столько общеэкономический, сколько финансовый, монетарный характер. Логика же финансиста предполагает крайнюю нежелательность инвестирования в «стартапы» по причине высокого риска таких вложений — они осуществляются только при отсутствии более надежных альтернатив и в условиях вынужденности. Иными словами, российский правящий класс попросту избегает порождения новых сущностей как ненадежных и рискованных вложений, предпочитая действовать в уже сложившихся рамках с известной «нормой доходности». Управление при таком подходе сводится в первую очередь к администрированию, то есть к перераспределению ресурсов в пределах существующей реальности, которая мыслится как относительно стабильная и неизменная, но никак не к воздействию на эту реальность.

Последняя тем не менее постоянно меняется — и в первую очередь в силу реализации «административной» управленческой парадигмы, нацеленной на воспроизводство ее в неизменном виде. Логика прагматической целесообразности требует ситуативной реинтерпретации норм и правил, которые таким образом становятся не причиной и «рамкой» деятельности власти, но объектом воздействия, с неизбежностью приобретая все более общие формы.

Разумеется, подобные реинтерпретации вполне осознаются правящей элитой в качестве таковых. Но вместо того чтобы как-то их концептуализировать, российские элиты предпочитают делать вид, что ничего не происходит, пытаясь легитимировать осуществленные изменения через эвокацию призрака Советского Союза. При этом эвокация, по большому счету, ограничивается возвращением ряда символов советской эпохи, например мелодии гимна, риторикой, а также частичным возрождением публичной конфронтации с Соединенными Штатами и — в меньшей мере — Западом в целом, никоим образом не предполагая восстановление собственно СССР.

В результате возникает довольно эклектичная система. Логика принятия решений в ее рамках схематически отображена на *рис. 1*, где В — властная система, Н — нормативные системы, институционализованные и неформальные, М — меритократические структуры (группы интересов); верхняя стрелка указывает на вторичность, то есть подчиненность норм прагматике; сплошные стрелки ниже обозначают каналы реальной, пунктирные — низкой или сугубо потенциальной вертикальной и горизонтальной мобильности.

Рисунок 1 Логика принятия решений

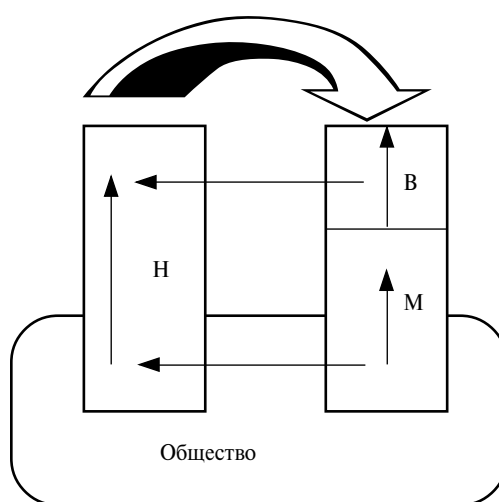
³ Коктыш 2002.

В принципе на уровне принятия решений мы получаем чисто протестантскую архитектуру политической системы³, в наиболее законченном виде присутствующую в США — с той, впрочем, критической разницей, что политическая архитектура Соединенных Штатов не содержит табу на модификацию нормативного свода, которая приобретает там форму адвокатской практики в рамках прецедентного права, в то время как в России подобная деятельность крайне затруднена. Ее осуществлению препятствует не только система права, но и фактическая монополия властных элит на легитимную интерпретацию реальности, сложившаяся вследствие доминирования в парламенте «партии власти» и отсутствия иных, внепарламентских, но при этом легитимных для общества нормативных институтов. Соответственно, российская архитектура неизбежно порождает серьезные проблемы с вертикальной мобильностью. Поскольку при такой конструкции властная система выражает интересы в первую очередь крупнейших меритократических структур (или структуры) и действует с изрядной долей бизнес-логики («что хорошо для General Motors, хорошо для Америки»⁴), она по определению не в состоянии генерировать в достаточном количестве карьерные перспективы, не обусловленные рыночными соображениями. Одновременно ввиду подчиненности нормативного контекста прагматике она блокирует и возможность их массового самовозникновения, ибо интересы менее крупных меритократических структур могут быть реализованы лишь в той степени, в какой они не противоречат интересам доминирующей структуры. Так, доминирование сырьевой экономики оборачивается в России неразвитостью экономики перерабатывающей, то есть собственно промышленности, которая в лучшем случае отчасти восстановилась, но уж никак не качественно развилась, и практическим отсутствием постиндустриального сектора.

⁴ Известное высказывание, неоднократно цитировавшееся в 1990-е годы некоторыми нынешними представителями российских властных элит.

Иными словами, сама система, в силу специфики собственной институциональной структуры, создает условия для «оранжевой революции», и опасность такой революции, по природе своей представляющей прежде всего поколенческую реакцию на дефицит вертикальной мобильности, со временем может только нарастать. Не в последнюю очередь «разряжению» этого постоянно усиливающегося поколенческого давления «снизу» и служит система легитимации принятых решений (см. рис. 2) — в той своей части, где речь идет об эвокации призрака СССР.

Рисунок 2 Логика легитимации решений

В данном случае нормативный контекст, безусловно, первичен по отношению к прагматике: достаточно вспомнить, что в СССР роль нормативной иерархии, определявшей правила игры, исполняла КПСС, в то время как решения в рамках установленных правил принимались и реализовывались через структуру исполнительной власти. Эта архитектура предполагает принципиально иную логику принятия решений, когда главное — не прагматическая эффективность, а соответствие правилам, вне зависимости от степени их корреляции с современной реальностью, поскольку, как показала, в частности, перестройка Горбачева, модификация даже явно устаревших правил при такой конструкции чревата серьезными потрясениями.

Отметим, что подобный тип архитектуры, будучи реально воплощен, не испытывает проблем с вертикальной мобильностью. Более того, в отличие от архитектуры принятия решений, наиболее привлекательной здесь становится карьера в нормативной иерархии, которая из легитимирующего уже принятые решения фантома превращается в

⁵ Казанцев 2006.

реальную силу. Думается, что именно использование этой архитектуры и позволило правящим элитам «разминировать» потенциал «оранжевой революции»⁵, стимулировав появление массовых молодежных прокремлевских движений и бюрократическое разрастание «партии власти». Однако тактическая эффективность породила серьезную стратегическую проблему, и со временем система неизбежно встанет перед дилеммой: либо каким-то образом дезавуировать те карьерные перспективы, на которые рассчитывают «новые комиссары» во всех возрастных группах, от молодежных движений до «партии власти», либо на самом деле передать власть новой нормативной иерархии. Первый сценарий может повлечь за собой весьма нетривиальные сложности; второй с высокой степенью вероятности обернется той же неэффективностью экономики, какая наблюдалась в СССР, и прямой зависимостью социальной стабильности от мировых цен на нефть — по той простой причине, что технологического рывка за постсоветский период так и не произошло, новые легитимные нормы и правила по большому счету так и не сложились, и легитимным «образцом» могут быть только советские нормы и правила. В результате возникнет угроза возвращения в 1986 г. — без каких-либо особых приобретений, но с существенными потерями.

**Ценностно-
онтологическая
интеграция
правлящих элит:
Беларусь**

Ценностная интеграция белорусских правящих элит также не подлежит никакому сомнению. Белорусский режим демонстрирует высокую степень консолидации правящего класса: вплоть до недавнего времени в последнем не было значимых расколов, которые носили бы не личный, а системный характер. Да и сегодня правящий класс выглядит вполне монолитным и единым.

Ценности эти, впрочем, весьма специфичны и по природе своей относятся преимущественно к публично-политическому дискурсу. Складывается впечатление, что пропаганда является здесь не только метаязыком коммуникации власти и широких слоев общества, но и во многом языком мышления собственно власти. В противном случае трудно объяснить ту легкость, с какой белорусский режим включается в разнообразные, часто взаимоисключающие внутри- и внешнеполитические проекты: это логично лишь при условии, что реальность на самом деле представляется простой и односложной. И действительно, белорусский режим неоднократно демонстрировал свою способность свободно перемещаться по всему идеологическому спектру, переходя от вполне советской социалистической риторики к риторике госкапитализма и национального государства и обратно, одновременно претендуя на вхождение в самые разные геополитические комбинации, от тесного альянса с Россией до вступления в Движение неприсоединения и интеграции в ряд европейских структур.

Судя по всему, публично-политический инструментальный воспринимается белорусскими правящими элитами как универсальное средство управления социальной жизнью вообще и экономикой в частности.

Публично-политическая целесообразность неизменно выступает основным, если не единственным, аргументом для принятия внутри- и внешнеполитических решений, зачастую без какого бы то ни было учета их экономической цены. До недавнего времени у такого политического поведения были весомые причины: союз с Россией, который, безусловно, являлся главным успехом белорусского режима, почти десятилетие бесперебойно обеспечивал президента Беларуси ресурсом (в виде льготных цен на энергоносители и возможности использовать фактор отсутствия границ), вполне достаточным для того, чтобы поддерживать приемлемый уровень жизни в республике безотносительно к реальной эффективности ее экономики. Более того, с повышением мировых цен на нефть белорусская система в течение нескольких лет, вплоть до нефтегазового конфликта конца 2006 г., представляла собой, при отсутствии собственных энергоносителей, чуть ли не классическое «петрогосударство».

Разумеется, популизм белорусского режима имеет и свои константы. Выше уже отмечалось, что этот режим постоянно генерирует «изменения без изменений», и каждая очередная идеологическая доктрина неизменно оборачивается сохранением наличествующего status quo. Думается, что дело здесь в степени популизма: любые идеологические конструкты в белорусском властном дискурсе могут существовать лишь в наиболее общем, упрощенном виде и, соответственно, неизбежно оказываются «переменными», то есть аксессуарами, которые при необходимости без труда можно заменить⁶. Константой же является властное качество белорусского президента как источника и демиурга нынешней политической системы и единственного в ней реального субъекта: при любой комбинации он остается причиной всех вещей (что, пока Россия демонстрировала готовность приобретать дружественную риторику за энергоресурсы, было вполне логичным). Собственно, эта константа и определяет логику принятия решений: последние принимаются безотносительно к экономической, социальной и политической цене вопроса.

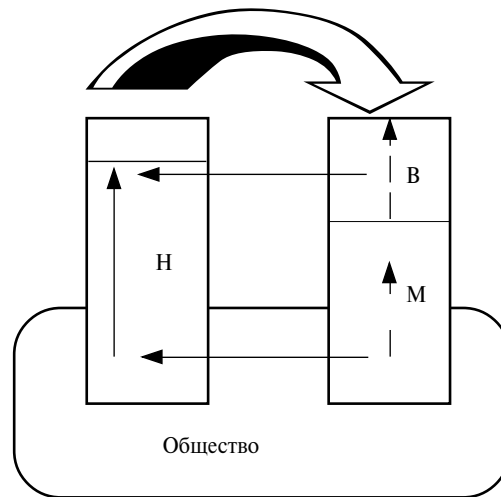
Примечательно, что принятые решения легитимируются отнюдь не соображениями высшего порядка, а декларируемой прагматической целесообразностью. Практически каждый маневр белорусской власти представляется в публично-политическом пространстве как очередное подтверждение высокой конкурентоспособности белорусской продукции и эффективности белорусской экономики. При этом сама конструкция системы принятия решений, по сути, исключает возможность эффективного экономического замысла, поскольку в принципе не может гарантировать стабильных правил игры.

Логика принятия решений в рамках белорусской системы отображена на *рис. 3*, где Н — нормативная иерархия, В — исполнительная власть, М — меритократические иерархии; верхняя стрелка указывает на вторичность прагматики по отношению к базовым, «константным» нормам; сплошные стрелки ниже обозначают каналы реальной, пунк-

⁶ Коктыш 1999.

тирные — низкой или сугубо потенциальной вертикальной и горизонтальной мобильности.

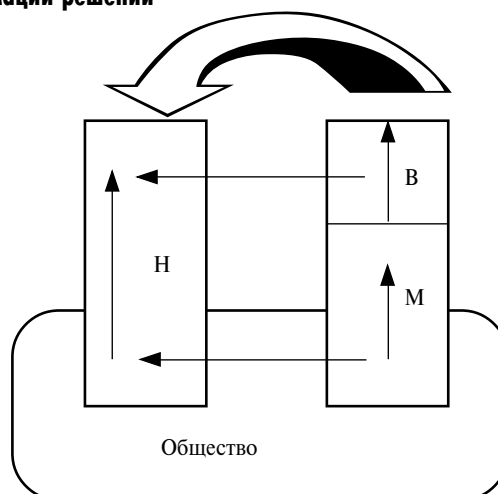
Рисунок 3 Логика принятия решений

Таким образом, на уровне принятия решений мы получаем квази-советскую модель архитектуры. «Квази» — поскольку правила и нормы в СССР были институционализированы через структуру КПСС и выступали в виде безусловных и относительно прозрачных констант, выстроенных в единую логичную систему, в силу чего вертикальная мобильность носила неимитационный характер: прервать чью-либо карьеру можно было только в случае явного нарушения заранее зафиксированных и известных правил. В современной же Беларуси нормативный институт подменен фигурой президента, опирающегося на властную вертикаль. Последняя, конечно, создает условия для высокой вертикальной мобильности, однако мобильность эта, по большому счету, имитационная, поскольку связана с воплощением в жизнь «переменного», а не константного массива норм — с очередным ситуативным пересмотром этого массива естественным образом пресекаются и карьерные перспективы. Преимущественно имитационной оказывается и вертикальная мобильность в меритократических структурах — как вследствие неразвитости автономных по отношению к государству групп интересов и отсутствия стабильных правил игры, так и в силу дефицита карьерных предложений и общей деградации принадлежащих государству активов, от которых в течение многих лет требовалась в первую очередь социальная, а не экономическая эффективность. Столь же условной является мобильность и в собственно правящей элите, сосредоточенной в органах исполнительной власти: возможности избавиться от «технического» статуса у нее просто нет.

Легитимируются же принятые решения в соответствии с совершенно иной логикой (см. *рис. 4*), которая, как и в России, носит сугубо фантомный характер.

Рисунок 4 Логика легитимации решений

Правда, если в российском случае «перевернутая» легитимация вызвана опасениями в отношении низкой вертикальной мобильности, то в Беларуси ее причина кроется именно в «переменном» характере идеологических конструктов: общество не будет воспринимать их модификации как актуальные ровно столько, сколько система сможет продемонстрировать прагматическую эффективность, то есть способность приемлемым образом решать экономические проблемы. Эта способность, уже существенно сократившаяся, в перспективе неизбежно будет падать — после того как белорусский режим лишился значимой доли потребляемых ресурсов⁷, динамика ухудшения вполне предсказуема. Реальный же переход к политической архитектуре протестантского типа, сегодня используемой в качестве легитимирующей, выглядит сомнительным и маловероятным даже при дальнейшем обострении ситуации с ресурсным обеспечением, к которому белорусская система по понятным причинам повышено чувствительна. Неразрешимой проблемой здесь являются базовые онтологические установки правящих элит, требующие постоянной модификации правил игры вследствие политической, а не прагматической необходимости, причем назревшей не «снизу», но «сверху»: института, гарантирующего стабильность и неэкслюзивность правил игры, при такой конфигурации просто не возникает.

Для того чтобы «легитимационный фантом» превратился в реальность, необходима смена ключевых игроков. В сегодняшней ситуации на эту роль могут претендовать разве что приходящие извне меритокра-

⁷ Судя по цифрам, прозвучавшим в выступлении В. Путина по ТВ во время нефтегазового конфликта декабря 2006 г., если два года назад Россия дотиrowала около 60% бюджета Беларуси, то в прошлом году — лишь 41%.

тические структуры, достаточно крупные, чтобы самостоятельно обеспечивать исполнение контрактов в условиях фактического отсутствия институционализованных правил.

Симметрии и асимметрии

Итак, проведенный нами анализ показывает, что ценностно-мировоззренческие установки российских и белорусских правящих элит при всей своей асимметричности (монетарный контекст в качестве мировоззренческой основы в России и публично-политический — в Беларуси) вполне симметричны на уровне макроконструкции: в обоих случаях налицо своеобразный симбиоз взаимоотрицающих логик принятия и легитимации решений. При этом логика узаконивания принятых решений сущностно отрицает логику их принятия, и потому ее использование неизбежно ведет к эрозии самой системы принятия решений, которая таким образом делегитимирует сама себя, — ситуация, типичная для постсоветского пространства вообще⁸.

⁸ Зорин, Кузьмин
2006.

Напрашивается вопрос: почему и российские, и белорусские правящие элиты построили столь противоречивую и — в рамках такой конструкции — явно временную политическую систему? И хотя в данном случае мы можем основываться преимущественно на предположениях, как минимум одна из причин лежит на поверхности и сводится к тем онтологическим конструктам, которыми в силу особенностей своего происхождения и предыдущего опыта могут оперировать и российские, и белорусские элиты.

В частности, совершенно очевидно, что управление государством ни при каких условиях не может строиться исключительно на монетаристской логике, ибо при таком подходе «нерентабельными» оказываются не только все социальные проекты, но и производство в целом: сроки окупаемости в случае инвестиций в промышленность выглядят слишком долгими, а в случае социальных проектов — сверхдолгими. Открытая реализация монетаристских принципов в ельцинскую эпоху поставила Россию на грань социального взрыва. В путинский период вместо ожидавшегося пересмотра парадигмы управления произошла виртуальная реставрация «идеологического отдела ЦК» — как если бы партхозактив, чьим духовным наследником являются нынешние российские элиты, обнаружив собственную нелегитимность, просто породил его призрак для посредничества между собой и обществом. От имени этого виртуального «идеологического отдела» стал осуществляться ряд социальных мероприятий, в первую очередь с целью «разрядки» напряженной ситуации и лишь в качестве побочного эффекта — ради решения собственно социальных проблем. Концептуализировать же «проект России» правящие элиты так и не решились.

Тот же сценарий, только в «перевернутой» относительно России логике, был реализован и в Беларуси, где имитироваться стало наличие партхозотделов, на деле не менее фантомных, чем российский «идеологический отдел». Публично-политический дискурс мог казаться достаточным

для управления лишь при наличии стабильного рынка, готового приобрести риторику, — и то обстоятельство, что такой рынок в лице России на протяжении десятилетия существовал, придало ситуации «запущенные» формы. Правящие элиты не только не решились сформулировать «проект Беларуси», но даже не двинулись в этом направлении, поскольку просто не осознали потребность в подобном «проекте» как вызов и как проблему.

Использование российскими и белорусскими правящими элитами «легитимационных фантомов» указывает на то, что ни те, ни другие в принципе не считают себя в полной мере легитимными, а свои мировоззренческие установки — самодостаточными. При таком раскладе общество неизбежно воспринимается ими как малопрозрачный и непонятный потенциальный политический субъект, который, структурировавшись, может нести в себе серьезную опасность. В силу этого мероприятия власти оказываются направлены в первую очередь на деконсолидацию общества и обеспечение его пассивности, то есть на поддержание его политической субъектности в латентном состоянии, а его развитие становится лишь одним из следствий реализации этой политики.

Такая ситуация не может быть устойчивой сама по себе — ее устойчивость зависит исключительно от умения правящих элит балансировать между обществом и «легитимационным големом» в условиях постоянно нарастающего ощущения собственной нелегитимности. Конечно, речь здесь не идет ни о какой «белорусизации» России или, напротив, «обрусении» Беларуси — корректней будет говорить об одинаковой незавершенности «перехода», о межпроектном состоянии и о расширившемся спектре вариантов провала ввиду упущенности ряда более благоприятных сценариев.

Библиография

- Бурдые** П. 2001. *Практический смысл*. — М.
- Зорин** М.А., Кузьмин А.С. 2006. Политологические миражи и социологическая действительность (Политическая социология постсоветского пространства) // *Полития*. № 1.
- Казанцев** А.А. 2006. Три сценария «цветной» революции в РФ (Моделирование сетевой динамики российской политики) // *Полис*. № 1.
- Коктыш** К.Е. 1999. Трансформация политического режима Республики Беларусь. — М.
- Коктыш** К.Е. 2002. Социокультурные рамки институционализации политических практик и типы общественного развития // *Полис*. № 4—5.
- Сергеев** В.М. 1999. *Демократия как переговорный процесс*. — М.